

Уже начиная со второй главы, с того момента, когда Анна поняла что совершила безнравственный поступок – героиню мучает совесть. Мучения эти выражаются в оскорбительных для самой Анны выражениях, в уничижительных и самых низких самоименованиях. Так, она называет себя *дурной женщиной, преступной, самой позорной и гадкой женщиной*, сравнивает себя с *натянутой струной, которая должна лопнуть*.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что именованья Анны Карениной выполняют очень важные функции: указывают на определённый социальный статус Анны; это такие именованья как *Каренина, Петербургская grand dame, жена одного из важнейших лиц в Петербурге*; показывают, как выстраиваются взаимоотношения между персонажами; выражают ситуативное отношение разных героев к тому или иному поступку Анны. Т.е., с точки зрения Каренина безнравственный поступок жены задевает самые искренние чувства – и в его именованьях Анны появляется дистанция, а так же накаляется степень экспрессии – *Анна Аркадьевна – виноватая жена – дурная жена – эта женщина – преступная жена – презренная женщина*.

Иначе у Вронского: связь с такой женщиной значит успех в обществе, для него Анна всегда оставалась *преlestной подругой, порядочной и любимой женщиной*.

СТИХОТВОРЕНИЕ А.С. ПУШКИНА «ПРОРОК» И РАССКАЗ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «МУЖИК МАРЕЙ»: МОТИВ ПРЕОБРАЖЕНИЯ (СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Л. Артамонова

5 курс, филологический факультет

Научный руководитель – проф. Г.Ю. Карпенко

Одна из тенденций современного литературоведения связана с усилением аксиологического подхода. В отличие от инструментального метода, который сосредоточивается только на структуре произведения, аксиологический обращает внимание на систему ценностей, представленную в произведении. Важным является объяснение структуры произведения в контексте с культурой в целом, в соотношении с имманентными ценностями.

Такой устойчивой ценностью (порождающей текст и в то же время укорененной в культуре) является преобразование. Как доказали многие исследователи, преобразование становится и структурообразующим, и ценностным началом для многих произведений русской литературы. Таким образом, можно говорить о мотиве преобразования, сюжете преобразования или поэтике преобразования.

В данной работе рассматриваются два произведения русской классической литературы: стихотворение А.С. Пушкина «Пророк» и рассказ Ф.М. Достоевского «Мужик Марей». Возможность их сопоставления обусловлена общей духовной основой. И в стихотворении, и в рассказе происходит чудо преображения, событие «отверзания уст», формирования другого видения.

Хотя мотив преображения и в стихотворении «Пророк», и в рассказе «Мужик Марей» является конституирующим началом, реализуется он в данных произведениях по-разному. Как известно, стихотворение Пушкина восходит к «Книге пророка Исаии». Как и ветхозаветному пророку, лирическому субъекту в стихотворении Пушкина был явлен Серафим. Вырвав «грешный язык», вложив в уста «жало мудрыя змеи» и в грудь «угль, пылающий огнем», Серафим дарует ему способность быть пророком, знаменует начало его преображения. Так пушкинский пророк исполняется Высшей волей: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли, / Исполнишь волею моею, / И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей» [1, с. 385].

Как несложно заметить, Пушкин выстраивает это событие в условно-аллегорическом пространстве – в пустыне. Преображение субъекта укоренено в ветхозаветной образности. Откровение Божественного начала представлено как условный библейский опыт.

В рассказе Достоевского «Мужик Марей» началом преображения выступает воспоминание. Во время праздника в остроге, когда «пьяных было множество, ругательства, ссоры начинались поминутно во всех углах» [2, с. 46], Достоевскому вдруг вспомнилось одно мгновение из детства. Воспоминание о встрече на поляне с заботливым крестьянином Марем, защитившим мальчика от волка, который, как тогда показалось Достоевскому, бежал прямо на него, внезапно изменило взгляд писателя на каторжников: «Этот обритый и шельмованный мужик, с клеймами на лице и хмельной, орущий свою пьяную сиплую песню, ведь это тоже, может быть, тот же самый Марей <...>» [2, с. 49]. Данное видение повлияло на душевное состояние Достоевского: «И вот, когда я сошел с нар и огляделся кругом, помню, вдруг почувствовал, что *могу смотреть* на этих несчастных совсем *другим взглядом* <...>, <...> каким-то чудом, исчезла совсем всякая ненависть и злоба в сердце моем» [2, с.49]. Таким образом, в результате преображения Достоевскому было дано *новое видение*, которое наполнило его чувством сострадания по отношению к каторжным.

Очевидно, в рассказе Достоевского ситуация преображения помещена в конкретное, биографическое пространство. Это ситуация реального жизненного опыта. Писатель сопрягает лагерный и детский опыт, соотносит их между собой.

Таким образом, у Пушкина и у Достоевского сюжет ценностно и структурно держится вокруг одного события – преображения. Однако, как уже было указано, у Пушкина данная ситуация оформлена в условно-

аллегорическом пространстве, а у Достоевского – в реальном. Если Пушкин *мыслит* эту ситуацию, то Достоевский *вспоминает*. У стихотворения Пушкина духовный источник очевиден («Книга пророка Исайи»), у рассказа Достоевского он узнается опосредованно через житейскую ситуацию (воспоминание в остроге) и восходит к Евангелию с его мотивами Преображения и Спасения. Сама жизнь является источником этого *пророческого, преображающего* знания.

Сопоставление в религиозно-ценностном аспекте стихотворения «Пророк» и рассказа «Мужик Марей» позволяет проанализировать такой неформализованный, сверхлогический феномен, как преобразование, и показывает, что данный мотив пронизывает структуру представленных произведений и определяет их духовно-ценностный потенциал. Преобразование знаменует резкое изменение ценностных доминант в сознании художников, является началом нового видения окружающего мира.

Библиографический список

1. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т.1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. М.: Худож. лит., 1985. 735 с.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1981. Т.22.

«ДЕТСКИЙ» БРОДСКИЙ

П. Ащеулова

3 курс, филологический факультет

Научный руководитель – доц. М.А. Перепелкин

В стихотворениях И.А. Бродского, написанных для детей, выделяются два смысловых пласта - 1) адресованный детям, и не раздражавший цензуру, и 2) скрытый, тот который в «расшифрованном» виде вряд ли бы попал в печать. Эти пласты значений являются неразрывно связанными друг с другом и образуют структуру с «двухуровневой адресацией» [1]: внешняя простота «детской» составляющей стихотворений, при раскрытии «взрослого» семантического пласта, подчеркивает глубину того, на что поэт намекает в первом слое.

Обратимся к стихотворению И.А. Бродского «Баллада о маленьком буксире» и рассмотрим, как в нем реализуются эти особенности.

Итак, это стихотворение написано специально для детей, что, естественно, отражается на его структуре. Простые, возможно, даже сознательно упрощенные конструкции, являющиеся вообще характерными для детской поэзии, чередуются со сложно составленными целыми, занимающими целые строфы. Это объясняется смыслом стихотворения, последовательным развитием его лирического сюжета.